

ПАМЯТИ ВИКТОРА ДМИТРЕВИЧА КУДРЯВЦЕВА ¹⁾.

У одного изъ нашихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ есть мысль, которая сначала можетъ, пожалуй, показаться пѣсколько смѣлою и гипотетичною, но которая, чѣмъ больше вдумываешься въ нее, тѣмъ сильнѣе поражаетъ своею глубиною, своею чарующею и вмѣстѣ пугающею правдивостію. Остановившись на рубежѣ новаго года, онъ мысленно созерцалъ, какъ старый годъ передаетъ свое наслѣдіе повому, — передаетъ людскія мысли, чувства, стремленія и дѣйствія, словомъ, весь тотъ міровой матеріаль, изъ котораго общимъ столкновеніемъ, взаимодействіемъ, борьбою разнородныхъ элементовъ вырабатывается жизнь человѣчества. „Я не могу, — сказалъ между прочимъ ораторъ, — не могу представить себѣ этой картины безъ трепета сердечнаго. Пусть каждый изъ васъ подумаетъ, что всякая его мысль, чувство, слово, можетъ быть случайно высказанная, всякое его дѣло, когда-бы и какъ-бы то ни было, можетъ быть и не намѣренно сдѣланная, которымъ онъ самъ не думалъ придавать значенія, все это живо въ жизни и составляетъ уже фактъ невозвратный; все это полетѣло изъ души въ міръ и тамъ неудержимо произвело сродная себѣ дѣйствія; тамъ встрѣтившись съ другими, подобными себѣ фактами, усложнилось и усилилось; встрѣтившись съ противными, вступило съ ними въ борьбу и такимъ обра-

¹⁾ Речь, сказанная вечеромъ въ день годовичнаго поминовенія В. Д. (3-го Декабря), въ присутствіи академическаго Начальства, профессоровъ, студентовъ и особо приглашенныхъ постороннихъ лицъ.

зомъ вошло въ составъ атмосферы, обнимающей, проникающей, наполняющей жизнь міра. Ты не думаешь объ этомъ; ты забылъ, какимъ чувствомъ, намѣреніемъ или словомъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, тыдохнулъ на свѣтъ Божій; но это дуновение твое пошло живою струею въ воздухъ міра и тамъ вмѣстѣ съ другими струями составило тучу, облегающую горизонтъ надъ тобою и другими“¹⁾....

Глубокая мысль, выражающая великій, непреложный законъ! Паскаль и Лейбницъ, Кондорсе и Контъ,—всѣ эти разнохарактерные мыслители сходятся съ нашимъ глубоко-мысленнымъ проповѣдникомъ въ признаніи этого закона,—сходятся во взглядѣ на человѣчество, какъ на одного всемірнаго человѣка, ростъ котораго управляется закономъ, подчиняющимъ настоящее прошлому, будущее настоящему. Да и нельзя этого не признать. Въ самомъ дѣлѣ, кто довѣряетъ естествознанію, кто признаетъ вмѣстѣ съ нимъ законъ сохраненія энергіи, а въ нашемъ дѣлѣ, словѣ, въ нашихъ желаніяхъ и мысляхъ видитъ тоже энергію, хотя и своеобразную, тотъ долженъ признать вышеизложенный законъ априори. Кто, напротивъ, не любитъ обосновывать истины, которыми живетъ, отвлеченно, тотъ можетъ провѣрить этотъ законъ фактически, собственнымъ опытомъ. Въдѣ всѣ мы испытываемъ на себѣ болѣе или менѣе могучее поздѣйствіе прошлаго, а съ другой стороны чувствуемъ себя въ большей или меньшей степени отвѣтственными и за будущее. Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто насъ удерживаетъ на краю нравственной пропасти, напимѣръ, еле слышный голосъ матери, который звенитъ въ глубинѣ души, какъ надорванная струна, и изъ неясной дали прошедшаго несетъ властный запретъ соблазнительному настоящему, или—укоризненный взоръ отца, который запаль въ душу когда-то давно, давно, но занечатлѣлся такъ, что застылъ въ ней, да такъ и остался навсегда живой и памятной укоризной, живымъ запретомъ всему дурному! Какъ часто, напротивъ, при всѣхъ протестахъ нашей природы, мы скатываемся съ нравственной крутизны единственно потому, что какіе-нибудь, „иксы или игреки“, умершіе или живые, дѣлали и дѣлаютъ то же самое. На подвигъ, на борьбу

¹⁾ Бесѣды, поученія и рѣчи *Іоанна*, еп. Смоленскаго. Смол. 1876, стр. 19.

съ заблужденіемъ и зломъ насъ вдохновляютъ примѣры людей, уже несущихъ этотъ подвигъ. Въ горячкѣ и невзгодахъ много утѣшаетъ простая житейская справка: „не я первый“,— особенно если она иллюстрирована хорошими примѣрами; а пресловутый вопросъ: „что скажетъ свѣтъ?“ не всегда диктуется тщеславіемъ,—у людей серьезныхъ и въ виду серьезнаго дѣла онъ переводится такъ: „а что собственно изъ моего замысла выйдетъ и какъ отнесутся къ нему люди, которыхъ онъ касается?“ Словомъ, есть *динамика общественнаго сознанія*, какъ есть динамика сознанія единичнаго, какъ есть динамика процессовъ природы. Ниодинъ психическій элементъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, не пропадаетъ безслѣдно. Такъ или иначе, рано или поздно, тамъ или здѣсь, въ той-же или глубоко преобразованной формѣ, онъ неизбежно отзовется, скажется, добрымъ или дурнымъ вліяніемъ, направляющимъ или отклоняющимъ, или-же и совѣтъ задерживающимъ ростъ нравственнаго самосознанія того или другаго общества, народа, человѣчества. Вотъ почему мы сознаемъ вѣчную солидарность, связывающую насъ съ нашими предками и потомками. Мы испытываемъ на себѣ тяжесть прошлаго, которое увлекаетъ насъ по пути, проторенному нашими отцами, равно какъ сознаемъ и чувствуемъ отвѣтственность за будущее, которое сложится несомнѣнно не безъ нашего вліянія. Предки живутъ въ насъ; мы будемъ жить въ потомкахъ,—такъ или иначе, съ честію, или со стыднѣніемъ лица и въ позорѣ безславія.

Итакъ, ниодно нравственное явленіе, а тѣмъ болѣе ни одна человѣческая жизнь не пропадаютъ въ нравственномъ мірѣ безслѣдно, точно такъ же, какъ въ мірѣ физическомъ не исчезаетъ безслѣдно ниодинъ атомъ силы. Если-бы нашъ взоръ былъ достаточно проницателенъ, онъ могъ-бы въ одномъ только нашемъ актѣ, въ одной какой-либо нашей рѣшимости открыть тысячи мелкихъ перекрестныхъ вліяній. Насъ смутило-бы и озадачило это открытіе точно такъ-же, какъ, на примѣръ, смущаетъ и озадачиваетъ человѣка, впервые разсматривающаго въ сильный микроскопъ каплю воды, ея составъ. Къ счастью, намъ не дано такой проницательности. И не трудно понять, почему: замѣчая эти мелкія, непрестанно идущія на насъ отвнѣ вліянія и, съ

другой стороны, постоянно вносимыя самими нами въ окружающую насъ жизнь перемѣны, мы могли-бы разстроить свою практическую жизнь, точно такъ-же, какъ видъ состава и строения воды, открываемый микроскопомъ, внесъ-бы разстройство въ наши вкусовые ощущенія и нарушилъ-бы наше питаніе. Это открытіе произвело-бы на насъ, какъ говорятъ, гиперестезію нравственного сознанія,—болѣзненную чувствительность, подавило-бы насъ тяжестью сознанія отвѣтственности за каждое движеніе нашего духа и парализовало-бы нашу энергію. Вотъ почему всѣ эти ежеминутно испытываемыя нами мелкія вліянія ускользаютъ отъ насъ, сливаясь въ одно общее настроеніе, подобно тому, какъ ускользаютъ отъ нашего невооруженнаго глаза плавающія въ капляхъ воды органическія существа, или какъ отдаленныя звѣзды сливаются въ одинъ млечный путь. Мелкихъ нравственныхъ явленій, дѣйствія на насъ мелкихъ личностей, имѣвшихъ и имѣющихъ къ намъ лишь отдаленное отношеніе, мы не различаемъ, хотя и испытываемъ ихъ,—можетъ быть, въ преобразованной формѣ. Мы замѣчаемъ лишь крупныя вліянія, крупныхъ дѣятелей; но за то они кладутъ на насъ неизгладимо глубокой слѣдъ:

Есть много мелкихъ, безымянныхъ
Созвѣздій въ горней вышинѣ,—
Для нашихъ слабыхъ глазъ туманныхъ
Недосягаемы они,—

И какъ они бы ни свѣтили,
Не намъ о блескѣ ихъ судить,—
Лишь телескопа дивной силѣ
Они подвластны можетъ быть....

Но есть созвѣздія иныя
Отъ нихъ иныя и лучи:
Какъ солнца, пламенно живыя
Они сіяютъ намъ въ ночи.

Для міра дольняго отрада,
Они—краса небесъ родныхъ.....

Я увѣренъ, Мм. Гг., что вы не откажете мнѣ въ правѣ, отнести къ числу этихъ свѣтилъ, которыя, по выраженію поэта, составляютъ „красу небесъ родныхъ“, и того, воспоминаніе о комъ собрало насъ здѣсь. Въ печальные дни погребенія незабвеннаго Виктора Дмитріевича, многими изъ

его почитателей уже было засвидѣтельствовано то, что, конечно, признается всѣми его знавшими,—засвидѣтельствовано, что это созвѣздіе иного рода, не похожее на тѣ мелкія; безымянныя созвѣздія, мерцаніе которыхъ сливается въ нашей душѣ въ одинъ безразличный цвѣтъ; что это созвѣздіе видитъ всякій, кто живетъ подъ однимъ съ нами небомъ,—въ томъ мірѣ, гдѣ наука дружитъ съ религіею, и философія подаетъ руку богословію. Однако, на свѣтило живое недостаточно только смотрѣть, какъ мы посмотримъ на однообразныхъ и безстрастныхъ вѣчныхъ небесныхъ странниковъ,—въ живое свѣтило нужно всматриваться, чтобы уловить своеобразный отливъ его живыхъ лучей; къ живой личности нужно и отношеніе живое, дѣятельное, а не страдательное. И особенно нынѣ, когда по истеченіи годичнаго срока со дня кончины незабвеннаго Виктора Дмитриевича, наше общее молитвенное и духовное общеніе съ нимъ сдѣлается рѣже, памь нужно еще разъ остановить пристальный взоръ на почившемъ, возможно живѣе вызвать въ своемъ сознаніи и обаятельное сіяніе его тихаго заката, и бодрый, радующій душу, путеводный свѣтъ всей остальной его жизни. Теперь всемогущее, но безжалостное время будетъ вырывать листокъ за листкомъ изъ нашихъ воспоминаній о немъ. По равнодушію и забывчивости, столь свойственной человѣку, мы дадимъ времени совершить это разрушительное дѣло. Милый и дорогой образъ поблекнетъ. Онъ не изгладится совсѣмъ,—это невозможно, вслѣдствіе его исключительности,—но многія чарующія и обаятельныя подробности, по закону динамики сознанія, сольются и преобразуются въ одно общее впечатлѣніе и лишь въ этой формѣ войдутъ въ наше воспоминаніе, сдѣлаются однимъ изъ соопредѣляющихъ факторовъ нашей жизни. И вотъ важно, существенно важно, чтобы, при этомъ неизбѣжномъ преобразованіи, нравственный обликъ Виктора Дмитриевича не потерпѣлъ искаженія. Онъ можетъ быть уменьшенъ; но въ фокусѣ нашего сознанія, хранящаго этотъ образъ, должны быть собраны всѣ его подлинныя и выдающіяся черты съ сохраненіемъ ихъ индивидуальнаго отпечатка, ихъ глубокой нравственной основы. Лишь тогда этотъ образъ явится предъ нами конкретнымъ воплощеніемъ тѣхъ или иныхъ сторонъ нашего собственнаго нравственнаго идеала, и та-

кимъ образомъ выполнитъ предуказанное ему свыше дѣло въ руководствѣ и направленіи нашей жизни. Итакъ, выраженіемъ какихъ именно сторонъ нравственнаго идеала можетъ и долженъ остаться для насъ Викторъ Дмитріевичъ? Каковъ подлинный текстъ его живаго, написаннаго дѣломъ всей жизни, завѣщанія?

Когда насъ душатъ первые спазмы слезъ, выдвленныхъ вѣстью о смерти близкаго человѣка, наше примиренное скорбію воображеніе всегда и невольно одѣваетъ его образъ обаяніемъ сердечности, доброты и попечительности о насъ— „сиротахъ“. При этомъ мы не справляемся съ исторической правдой, а иногда даже и завѣдомо ее нарушаемъ,—подъ вліяніемъ сердечной скорби. Если же нарушать эту правду не приходится, тогда скорбь о смерти любимаго человѣка тѣмъ законнѣе и естественнѣе прорывается прежде всего именно въ этой формѣ. Такъ именно было дѣло въ данномъ случаѣ. Въ лицѣ Виктора Дмитріевича осиротѣвшая, подлинно осиротѣвшая Академія схоронила именно такого человѣка, который всю свою жизнь ласкалъ и лелѣялъ и старшую и младшую ея братію. Что-же удивительнаго, что почти во всѣхъ погребальныхъ рѣчахъ мы слышимъ глубокое выраженіе именно этой, одной и той-же скорби о немъ, какъ о кроткомъ и участливомъ, спокойномъ и мирномъ, снисходившемъ къ недостаткамъ и нелицемѣрно любившемъ человѣкъ? Что удивительнаго въ томъ, что погребальныя рѣчи оказались варіаціею одного и того-же настроенія, одного и того-же сильнѣе всѣхъ другихъ заявлявшаго о себѣ въ данную минуту чувства? Наше скорбное, отовсюду осаждаемое всевозможными невзгодами, существованіе дѣлаетъ насъ очень чуткими ко всѣмъ проявленіямъ ласки и участія. Намъ болѣе всего дороги безкорыстно участливые къ нашей судьбѣ люди; болѣе всего мы скорбимъ именно о нихъ и въ нихъ самихъ прежде всего и болѣе всего отмѣчаемъ и возвышаемъ именно эту черту. Это естественно: это лежитъ въ условіяхъ нашего существованія, въ строѣ нашей природы. Но отдавая эту невольную дань, отдаваясь порывамъ своего ежеминутно оскорбляемаго, а потому и скорбящаго сердца, мы не должны забывать и о томъ; что обаятельная кротость и ласка, свѣтившія во всемъ существѣ нашего незабвеннаго Виктора Дмитріевича, есть лишь одна

сторона его нравственнаго облика. Какъ свѣтила небесныя не только посылаютъ на нашу хладную и мрачную землю свой то согрѣвающій и освѣщающій, то просто ласкающій наши взоры свѣтъ, но сверхъ того, въ своемъ неизмѣнно правильномъ движеніи служатъ для насъ нагляднымъ выраженіемъ царящаго во всемъ мірозданіи закона, истинны, Божественной мысли, отображенной въ твореніи: такъ и почившій, наше родное свѣтило, не только свѣтиль намъ своею смиренною кротостію; не только согрѣвалъ и радовалъ душу своею участливою ласкою, но и служилъ живымъ выраженіемъ закона, управляющаго нравственнымъ міропорядкомъ,—живымъ и яснымъ напоминаніемъ о нашемъ жизненномъ и служебномъ долгѣ. Говоря это, свидѣтельствуюсь словами одного изъ предсѣдających здѣсь, котораго не назову, ради его скромности, по имени,—словами челоувѣка, сужденіе котораго для насъ въ данномъ случаѣ тѣмъ авторитетнѣе и цѣннѣе, чѣмъ ближе самъ онъ по своему нравственному складу подходитъ къ почившему. „Когда челоувѣкъ, — таково это авторитетное свидѣтельство, — когда челоувѣкъ усердно старается о томъ, чтобы правильно опредѣлить лежащія въ немъ обязанности, а потомъ напрягаетъ всѣ силы къ добросовѣстному ихъ исполненію, то въ этомъ заключается великая добродѣтель, и притомъ такая, которую люди не всегда замѣчаютъ и оцѣниваютъ. Постоянная покорность волѣ Божіей въ исполненіи обязанностей, какія въ то или другое время Провидѣніемъ были возлагаемы на Виктора Дмитріевича; являлась, какъ его отличительное качество отъ времени поступленія въ Академію до самой кончины. Поистинѣ, объ немъ можно повторить слова псалма: *блаженъ мужъ, болящійся Господа и крѣпко любящій заповѣди Его*“¹⁾). Это-то постоянное сознаніе долга; — не одного только служебнаго долга, у котораго бывають различные мотивы, но долга вообще,—это сознаніе обязательности нравственнаго закона, какъ руководящей нормы всѣхъ поступковъ, словъ и настроеній, это мало примѣтное, но за то тѣмъ болѣе цѣнное свойство ясно выступаетъ предъ нами; когда мы окинемъ однимъ общимъ взглядомъ всѣ извѣстныя намъ событія жизни В. Д.,—его

¹⁾ Изъ рѣчи проф. Д. Θ. Голубинскаго.

дѣло и многосложныя частныя отношенія. Всегда, — насколько могу судить изъ непосредственно извѣстныхъ мнѣ фактовъ изъ времени моего студенчества, равно какъ и изъ слышанныхъ отъ другихъ разсказовъ, относящихся къ далекому и недалекому прошлому нашей Академіи, — всегда студенты шли во времена общихъ академическихъ невзгодъ или частныхъ затрудненій къ Виктору Дмитриевичу за совѣтомъ и помощью; но они шли не только съ вѣрою въ его отзывчивое и участливое сердце, но и съ готовностью принять его „veto“, — властное, однако, не столько служебнымъ положеніемъ изрекающаго его лица и не имъ главнымъ образомъ, но его осторожною, точно сообразованною съ требованіями правды и законности, въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ, мотивировкою. Студенты читли и глубоко читли въ немъ именно это человѣчно выраженіе законности и правды, вѣрность которой съ его стороны въ ихъ глазахъ была тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ болѣе его, такъ-же хорошо извѣстное имъ, мягкое сердце склонно было къ уступкамъ и извиненіямъ, чтобы не сказать больше. Вотъ почему они всегда и пуще всего боялись, какъ засвидѣтельствовалъ одинъ изъ нихъ въ своей рѣчи, огорчить именно Виктора Дмитриевича какимъ-нибудь неумѣстнымъ поступкомъ. Своею молодою, отзывчивою и чуткою душою они инстинктивно повимали, что въ высокой душѣ ихъ наставника, исполненной трепетнымъ сознаніемъ святости нравственнаго закона, и поэтому воспріимчивой къ его нарушеніямъ, ихъ проступки отзовутся мучительною и жгучею болью.

И позднѣе, когда мнѣ выпала завидная доля стать въ число его младшихъ сослуживцевъ, а, по сродству нашихъ наукъ, войти и въ особенно близкія и непосредственныя отношенія, я не разъ убѣждался, насколько высоко и твердо онъ держитъ знамя закона, долга, служебной и вообще нравственной порядочности. Всегда готовый по своей добротѣ личною помощію облегчить тяжесть закона, въ какой-бы формѣ этотъ послѣдній ни являлся, онъ, однако, никогда не поступался принципомъ, и на вѣчно повторяемый искуссительный вопросъ: „достоитъ-ли дати дань кесарю“, отвѣчалъ поучительнымъ и по истинѣ краснорѣчивымъ молчаніемъ, какъ-бы сомнителенъ въ томъ или другомъ случаѣ

этотъ кесарь, повидимому, ни былъ. Онъ давалъ понять этимъ, что возстановить въ сознаниіи расшатанный принципъ гораздо труднѣе, чѣмъ его расшатать, и что поэтому долгъ каждаго, кто понимаетъ такое положеніе дѣла, оберегать status quo по крайней мѣрѣ, какъ предохранительную оболочку новаго зерна, новаго пробуждающагося къ жизни принципа, новой зарождающейся идеи. Вотъ почему опасливый вопросъ: „а что скажетъ Викторъ Дмитріевичъ“, — этотъ скромный и молчаливый Викторъ Дмитріевичъ, смущалъ порою и не одну только студенческую среду. Словомъ, дѣятельность Виктора Дмитріевича является предъ нами живою разгадкою той тайны, какъ даже и въ нашей грѣшной и несовершенной жизни могутъ срѣтаться милость и истина, лобызаться правда и миръ, — какъ сознание закона и вѣрность ему можетъ раствориться любовнымъ участіемъ и снисхожденіемъ къ немощамъ рабовъ закона.

Безъ сомнѣнія, ключъ для объясненія этой, только что очерченной, настроенности Виктора Дмитріевича слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь недалеко отъ того укромнаго историческаго уголка за правымъ клиросомъ нашего прежняго академическаго храма, въ которомъ почти за каждымъ богослуженіемъ можно было видѣть величавую, серьезно-сосредоточенную фигуру маститаго старца. Но я не стану вторгаться въ это святилище его души и касаться тайны его жизни въ Богѣ, вѣдомой только Богу. Остановлю вмѣсто того ваше вниманіе на характерѣ той дѣятельности, которой онъ посвящалъ всѣ свои силы, и которая, безъ сомнѣнія, осталась также не безъ вліянія на выработку его устойчиваго нравственнаго облика. Я разумѣю его служеніе философіи.

Философія — какое многосмысленное и даже двусмысленное слово! Въ наши дни, — въ дни поразительно ненормальнаго разъединенія жизни и школы, когда на жизненномъ рынкѣ, съ одной стороны, повсюду суетится чуждая не только глубокомыслия, но и всякаго вообще идейнаго содержанія практичность, а съ другой, спѣсиво надувается безпочвенное, совершенно оторванное отъ жизни quasi-научное доктринерство, — при такомъ поразительно ненормальномъ, по истинѣ хаотическомъ настроеніи умовъ, Викторъ Дмитріевичъ являлся однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ исключе-

ній, въ которомъ одинаково соблюдены были права жизни и мысли. Именно, въ его философской дѣятельности слѣдуетъ различать двѣ стороны: съ одной, онъ являлся предъ нами живымъ воплощеніемъ—увы!—отжившаго уже типа *древняго философа*, т. е. человѣка, который смотритъ на всѣ вопросы съ точки зрѣнія высшей, нажитой опытомъ и постоянною вдумчивостію, мудрости; съ другой, онъ былъ строгимъ мыслителемъ — теоретикомъ, хорошо знавшимъ всю метафизическую паутину древняго и новаго времени и умѣвшимъ распутывать ее запутанные узлы, не порывая нитей. Мы знали его, какъ философа, какъ представителя всѣмъ доступной житейской мудрости, въ домашнемъ кругу, въ обыденной бесѣдѣ, когда видѣли, какъ осторожно, со свойственною истинному философу вдумчивостію подходилъ онъ къ каждому вопросу, когда слышали какъ доступно и просто, подобно древнему афинскому мудрецу, онъ разъяснялъ, бывало, самые трудные вопросы дѣтямъ философской науки, — когда, на примѣръ, — я думаю многіе изъ присутствовавшихъ здѣсь помнятъ этотъ шумный въ свое время фактъ, — когда студенту, встревоженному видѣніемъ недавно умершаго товарища, онъ серьезно и просто, съ своей философской точки зрѣнія разъясняетъ степень вѣроятности этого факта и т. д. Мы знали его, какъ строгаго мыслителя-теоретика, какъ метафизика-систематика, по его продуманнымъ лекціямъ, и доселѣ знаемъ, по его печатнымъ трудамъ.

Я высказалъ уже свой посильный взглядъ на литературно-философскую дѣятельность Виктора Дмитріевича въ другомъ мѣстѣ, печатно ¹⁾, и не стану утомлять вашего вниманія его повтореніемъ. Ограничусь лишь немногими замѣчаніями, имѣющими въ виду преимущественно младшую часть моей аудиторіи, изъ среды которой нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, выступаютъ, конечно, на поприще болѣе или менѣе самостоятельной философской дѣятельности. Во-первыхъ, въ наши дни, въ дни увлеченія всевозможными, а между прочимъ и научными модами, когда предательская измѣна маститой „наукѣ наукъ“ и легкомысленное, повторяемое всего чаще съ чужаго голоса, глумленіе подъ ея будто-бы бесплодными

¹⁾ См. журналъ „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 14—15: *Основатель системы трансцендентальнаго монизма.*

задачами,—когда эти нездоровыя направленія проникають и въ сферу нашей когда-то строго-философски настроенной мысли, творенія Виктора Дмитріевича должны встать предъ нами, въ этихъ нашихъ увлеченіяхъ, живую укоризною. Можно не соглашаться съ нимъ въ частностяхъ, можно оспаривать даже и его основныя точки зрѣнія, — да и у кого изъ философовъ ихъ нельзя оспаривать? — но нельзя не признать одного, — именно: метафизическіе проблемы поставлены у него такъ отчетливо, рѣшеніе ихъ устанавливается такъ осторожно и методично, что метафизика,—кто что ни говори объ ней,—по крайней мѣрѣ въ его умѣльцъ рукахъ, является все-же наукою. Вотъ почему смѣло можно сказать, что творенія Виктора Дмитріевича сослужать громадную услугу нашей русской и въ частности нашей академической образованности, будутъ много содѣйствовать благоприятному исходу современныхъ философскихъ нестроений и шатаній мысли. Во-вторыхъ, не разъ приходилось и нерѣдко приходится слышать, какъ зилоты и фанатики школьной эрудиціи, рабы „последнихъ словъ“ науки, открываютъ въ трудахъ Виктора Дмитріевича проступки противъ кодекса правилъ и законовъ о предупрежденіи и пресѣченіи научныхъ погрѣшностей и недостатковъ, — законовъ, долженствующихъ регламентировать по одному шаблону составленіе научныхъ и въ частности научно-философскихъ работъ: излишнюю, будто-бы, элементарность, недостатокъ цитатціи, новизны (современности, отсталость); но судя и оцѣнивая творенія Виктора Дмитріевича по этому тиранническому, угнетающему живую мысль закону, они забываютъ вѣщающаго закона, забываютъ могучее и осязательное явленіе въ его твореніяхъ духа и жизни. На современныхъ книжныхъ рынкахъ такъ много схоластической учености, что творенія Виктора Дмитріевича являются поистинѣ свѣтлымъ оазисомъ въ этой сухой и безжизненной умственной пустынѣ. У насъ повсюду такъ много учителей, преподающихъ намъ правила и приемы, какъ пріобрѣтать эрудицію, — и притомъ, замѣчу въ скобкахъ, пріобрѣтать чаще всего не весьма дорогою цѣною,—такъ много такихъ учителей, что тѣмъ цѣннѣе долженъ быть преподанный намъ Викторомъ Дмитріевичемъ собственнымъ примѣромъ

урокъ, какъ можетъ и долженъ представитель науки говорить живымъ словомъ живой душѣ.

Мы всѣ знакомы съ обаяніемъ его вразумительнаго и изящнаго слова, и не я первый обращаю на это ваше вниманіе. Если справедливо классическое изрѣченіе Бюффона; „le style c'est l'homme“, то въ стилѣ твореній Виктора Дмитріевича на насъ еще дышетъ его мягкая и участливая душа. И вотъ почему всякій разъ, когда пробѣгаешь страницы его изящной рѣчи, выражающія его исключительно—высокую настроенность, съ глубины души энергично поднимается разомъ и мучительное сознаніе того, что мы все еще недостаточно прислушиваемся къ этому рѣдкому наставнику и слишкомъ поспѣшно нарицаемъ *иныхъ* учителей, и горькое чувство незамѣнимой утраты. И хочется тогда сказать витающему около насъ духу почившаго словами поэта, обращенными тоже къ одному русскому писателю, съ которымъ нашъ наставникъ расходился правда въ направленіи, но съ которымъ, кажется, въ равной степени владѣлъ тайною слова, или, если и уступалъ, то развѣ лишь потому, что долженъ былъ примѣнять свое слово къ выраженію такихъ капризныхъ и громоздкихъ понятій, каковы понятія философскія,—хочется сказать ему:

Учитель и другъ,

Жилъ ты, и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту,—
Сошелъ, побѣжденный страданьемъ, въ могилу
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту....

.....
Не здѣсь, не въ мерцаньи свѣчей погребальныхъ,
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ заунывно печальныхъ,
Поймемъ мы всю горечь утраты своей:
Поймемъ ее дома, *поймемъ надъ строками*
Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
.....при лампѣ вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,
Въ студенческой кельѣ.....
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ.....

Смѣю думать, что я не дѣлаю передержки и не утрирую, примѣняя къ твореніямъ нашего философа то, что

поэтъ сказалъ о романистѣ. Я доселѣ зналъ, что его любить читать „въ студенческой кельѣ“, а недавно узналъ, что читаютъ его и за „тѣснымъ семейнымъ столомъ“, — читаютъ и понимаютъ даже люди, сравнительно неподготовленные, и притомъ не только слушатели, но и слушательницы. Ихъ искренно радуется, что они понимаютъ философскую книгу, — *первую въ жизни философскую книгу!* Для насъ это не удивительно. Тайна обаятельнаго влiянiя творенiй Виктора Дмитрiевича на читателей; и прежде всего, ихъ вразумительность объясняется именно тѣмъ гармоническимъ соединенiемъ въ его лицѣ древняго философа, житейскаго мудреца, съ одной стороны, и глубокомысленнаго метафизика, съ другой. Викторъ Дмитрiевичъ-философъ опирался въ своихъ сужденiяхъ по многосложнымъ вопросамъ обыденной действительности и жизни на строго научную работу Виктора Дмитрiевича-метафизика; но за то, въ свою очередь, и этотъ послѣднiй заимствовалъ у перваго тайну говорить съ читателемъ, какъ съ живымъ слушателемъ и собесѣдникомъ. Вотъ почему его творенiя такъ просты и доступны: въ нихъ невольно отобразилось выработанное живымъ общенiемъ умѣнiе просто говорить о трудныхъ вопросахъ. И вотъ чему, повторяю еще разъ, начинающему философу слѣдуетъ прежде всего у него учиться!

Именно эта-то постоянная вдумчивость Виктора Дмитрiевича, вмѣстѣ съ его очерченною выше чуткостiю къ нарушенiямъ правды и справедливости, при гумманности и мягкости, — все это вмѣстѣ развило въ немъ удивительную выдержанность и необыкновенное правдивое самообладанiе. Самообладанiе, выдержанность, —какая это великая жизненная сила! Не раздражать людскихъ самолюбiй неосторожнымъ сужденiемъ или двусмысленнымъ вопросомъ; подмѣчать и задерживать свою и чужую мысль только на свѣтлыхъ сторонахъ жизни, и обходить явленiя двусмысленныя; угашать злобу противника личною уступкою, не поступаясь, однако, принципомъ или дѣломъ; не спѣшить *своимъ* мнѣнiемъ или словомъ, особенно такимъ, которое, пожалуй, придется взять назадъ; не дѣлать шага, въ которомъ придется раскayаться; не рассыпать направо и налево любезностей; которыя могутъ сдѣлать на минуту прiятнымъ, но послѣ навлекутъ подозрѣнiе въ двуличности и нравствен-

ной фальши: вѣдь изъ всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ „мелочей“ слагается вся наша жизнь! Изъ нихъ именно образуется та тонкая атмосфера, которая прививается къ человеку, независимо отъ его служебнаго и матеріальнаго положенія, иногда даже независимо и отъ его ума; которая сопровождаетъ его повсюду и по которой его принимаютъ и оцѣниваютъ, когда уже перестали встрѣчать только по одеждѣ, а провожать только по уму. И вотъ эти-то крупныя мелочи, эта-то тонкая, но для всѣхъ осязательная идеальная атмосфера и составляетъ то прекрасное дополненіе къ облику Виктора Дмитріевича, которое освѣщаетъ его съ весьма выгодной и симпатичной стороны! Кто, въ самомъ дѣлѣ, припомнить, чтобы хоть одинъ разъ въ жизни онъ былъ смущенъ съ его стороны какимъ-нибудь неумѣстнымъ или двусмысленнымъ вопросомъ? Кто, напротивъ, не испытывалъ на себѣ этой обаятельной, поднимающей и окриляющей внимательности, которая подчеркивала крупныя добрыхъ стремленій, едва пробивающихся чрезъ толстую кору наслоившихся подоразумѣній и промаховъ? Именно, благодаря этой, нерешедшей въ его плоть и кровь высокой настроенности, онъ былъ свободенъ и отъ тѣхъ недуговъ, которые омрачаютъ наши дни,

Когда дряхлѣющія силы

Намъ начинаютъ измѣнять;

И мы должны, какъ сторожилы,

Пришельцамъ новымъ мѣсто дать;

когда далеко и далеко не всѣ уберігаются

Отъ малодушныхъ укоризнъ—

Отъ клеветы, отъ озлобленій

На измѣняющую жизнь;

Отъ чувства затаенной злости

На новый современный міръ,

Гдѣ новые садятся гости

За уготованный имъ пиръ.....

Ничего подобнаго, ни тѣни болѣзненной старческой шепетильности не было у Виктора Дмитріевича. Какъ истинно высокій духъ, онъ вполне побѣдилъ эти движенія нашей немощной природы, поднялъ и просвѣтилъ ихъ истинно-философскимъ взглядомъ на царство мысли и добра, какъ на общее достояніе, гдѣ никто не можетъ взять не только

слишкомъ много, но даже и просто *достаточно* много и гдѣ, вопреки элементарному экономическому закону, чѣмъ болѣе захватываетъ каждый, тѣмъ богаче становятся все...

Итакъ, трепетное сознаніе святости долга и закона, при постоянномъ любовномъ участіи и снисхожденіи къ немощамъ рабовъ закона; истинно философская вдумчивость и глубокомысліе, при обаятельной простотѣ и доступности пониманію всѣхъ; необыкновенная выдержанность и благородная настроенность—вотъ тѣ стихіи, на основѣ которыхъ сотканъ идеальный образъ почившаго. Каждый дѣлаетъ въ жизни свое дѣло и оставляетъ свой слѣдъ; но этотъ слѣдъ несоизмѣримъ съ количествомъ затраченнаго труда — онъ опредѣляется прежде всего *характеромъ* дѣятельности. Иной проносится надъ жизнью, какъ грозная буря, которая все ломитъ и сокрушаетъ подъ предлогомъ исправленія; но вотъ улеглась буря, и скромные, на время распуганные, дѣятели выходятъ изъ своихъ убѣжищъ, въ которыя ихъ на время загнала гроза, и начинаютъ снова поправлять и строить свои разметанныя жилища, и—бури какъ не бывало. Иной всю жизнь беспорядочно и порывисто хлопочетъ и суетится, какъ несогласованная и нестройная многотоловая мірская толпа у мірскаго дѣла; но вотъ отшумѣла толпа, а дѣло осталось тамъ-же, гдѣ было. Иной проходитъ свое жизненное поприще безшумно и спокойно и сходитъ съ него тихо, какъ однообразный, но ясный рабочій лѣтній день; но вотъ сошелъ въ могилу этотъ спокойный неутомимый труженикъ, этотъ „апостоль труда и терпѣнья“, догорѣлъ этотъ „страдный“ день, и—повѣяло тихой, бодрой и освѣжающей прохладой, и чуетъ изощренный слухъ, что въ этомъ вѣяніи прохлады, въ этомъ „гласѣ хлада тонка“ — Господь, благословившій и освятившій жизненный подвигъ труженика. Мнѣ нѣтъ надобности добавлять, какой изъ этихъ образовъ идетъ къ дѣятельности почившаго.

Я кончилъ. У русскаго народа есть вѣрованіе, что міръ стоитъ семью праведниками. Можетъ быть и дѣйствительно для стоянія міра нужно именно это священное седмеричное число совершенныхъ, идеальныхъ праведниковъ, — рѣшить трудно; но то несомнѣнно, что людей, болѣе или менѣе приближающихся къ идеалу праведности, для жизни потребно гораздо больше. Каждая обособленная сфера жизни нуж-

дается въ этихъ праведникахъ, въ этихъ вѣрныхъ выразителяхъ своей идеи. Нуждается въ нихъ и наша Академія. И чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ будетъ, конечно, лучше. И вотъ нынѣ, въ день воспоминанія кончины Виктора Дмитриевича, мы можемъ умѣрить скорбь объ утратѣ этого великаго человѣка, этой „красы Академіи“, радостью о томъ, что онъ утраченъ для нея не совсѣмъ, что онъ отойдетъ въ нашемъ воспоминаніи къ сонму тѣхъ свѣтлыхъ геніевъ нашей родной Московской Академіи, которые служатъ для насъ яснымъ и непоступнымъ завѣтомъ ся высокихъ традицій. По законамъ динамики общественнаго сознанія, свѣтлое воспоминаніе о Викторѣ Дмитриевичѣ будетъ имѣть свою долю направляющаго вліянія, даже независимо отъ того, какъ въ частности тотъ или другой изъ насъ относился и отнесется къ этому недюжинному человѣку, — точно такъ же, какъ на нашихъ глазахъ, хотя, можетъ быть и не для всѣхъ одинаково примѣтно, выполняютъ свои доли направляющаго вліянія на нашу академическую жизнь свѣтлыя воспоминанія о Делицинѣ, Голубинскомъ и Горскомъ, — каждое въ своей сферѣ. Но чтобы это вліяніе было возможно полнѣе и дѣйствительнѣе, на всѣхъ насъ лежитъ нравственный долгъ, палагаемый нашею отвѣтственностію предъ потомкамъ, — долгъ, не просто хранить воспоминаніе о Викторѣ Дмитриевичѣ, какъ мертвый и неприкосновенный капиталъ, но воспринять его, какъ живую и руководящую силу. Итакъ,

Во имя милаго, благаго,

Во имя нашего отца,

Даримъ-же мы другъ другу слово

Не измѣниться до конца, —

не измѣняться, прежде всего, въ своихъ, могущихъ оказывать на всѣхъ насъ глубокое воспитательное вліяніе отношеніяхъ къ нему, въ своемъ дѣтски-довѣрчивомъ вниманіи къ его осторожному дѣлу и продуманному, строго согласованному съ дѣломъ, слову...

А. Введенскій.